Формирование реального правового регулирования в практике применения уголовно-процессуального закона

Шадрин В. С.,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: vikt-shadr@yandex.ru

Аннотация. *В статье аргументируется признание уголовно-процессуального закона единственным источником уголовно-процессуального права, рассматривается содержание правового регулирования по уголовным делам в составе юридических норм, правоотношений и индивидуальных предписаний, демонстрируется, как модель уголовного судопроизводства, закрепляемая в уголовно-процессуальном законе, превращается в реальное уголовно-процессуальное право.*

Ключевые слова*: уголовное судопроизводство, позитивное право, правоприменение, моделирование и реальность уголовно-процессуального права, легитимация уголовно-процессуальных норм.*

Как традиционно принято считать, уголовное судопроизводство (уголовный процесс) — деятельность его участников и возникающие между ними общественные отношения, строго, от начала и до конца, урегулированные уголовно-процессуальным правом. Действия, производимые по уголовному делу за пределами составляющих уголовно-процессуальное право норм, не могут считаться уголовно-процессуальными, совершаются вне уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное право определяет содержание и форму уголовного судопроизводства, круг его субъектов и их процессуальный статус, регулирует порядок их процессуального поведения, и т.п.[1]

Основным источником российского уголовно-процессуального права является Уголовно-процессуальный кодекс РФ, как специально предназначенный для регулирования производства по уголовным делам кодифицированный, предусматривающий правовой статус всех участников уголовного судопроизводства и все формы уголовно-процессуальной деятельности нормативный акт, принятие которого в виде федерального закона отнесено исключительно к ведению Российской Федерации. Одновременно составной частью уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство, признаются общепризнанные принципы и нормы международного права (ст. 1 УПК РФ), что стало реальностью еще в период действия УПК РСФСР, хотя непосредственно в нем данного положения не предусматривалось[2]. Важнейшим источником уголовно-процессуального права является Конституция РФ — нормативный акт, имеющий высшую юридическую силу и прямое действие. По своему официальному статусу она выше УПК РФ и любого федерального конституционного и федерального закона, имеющего какое-либо отношение к уголовно-процессуальному регулированию, но применяется сейчас судами в сфере уголовного судопроизводства лишь в особых случаях. В частности: а) когда закрепленные нормой Конституции РФ положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения; б) когда Конституционным Судом РФ выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции РФ нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда РФ,

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 24.

[2] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1996. С. 10.

если они в нем указаны[3]. В состав уголовно-процессуального законодательства включаются также федеральные законы России, касающиеся отдельных аспектов уголовно-процессуального регулирования.

Российское, в том числе уголовно-процессуальное право, давно сложилось как позитивное и обладает свойствами, характерными для семьи романо-германского права. Позитивное право, по мнению С.С. Алексеева, — «это реальный, существующий в законах, иных документах, фактически осязаемый (и потому «позитивный») нормативный регулятор, на основе которого определяется юридически дозволенное и юридически недозволенное поведение и выносятся судами, другими государственными учреждениями юридически обязательные императивно-властные решения»[4]. Как все феномены цивилизации оно обладает и недостатками, и достоинствами. К первым относятся потенциальные возможности подчинения права произволу государственной воли, узкоклассовым, групповым, этническим или доктринерским интересам, крайний формализм. Ко вторым, обладающим «мощной, уникальной силой в нормативно-ценностном регулировании общественной жизни», — всеобщая обязательная нормативность, определенность по содержанию, государственная обеспеченность, т.е. возможность сделать правовое регулирование реальным при помощи государственной власти[5]. В своей совокупности и в конечном итоге достоинства позитивного права превалируют над его недостатками, что вполне оправдывает его существование.

Важнейшая особенность позитивного права заключается в том, что оно является писаным, выражается в письменном виде, главным образом, в виде законов. Поэтому можно согласиться с категорическим утверждением, что в Российской Федерации нормы уголовно-процессуального характера могут устанавливаться только законами: Конституцией РФ, УПК РФ, иными федеральными конституционными или федеральными законами. Никакие иные нормативные акты органов государственной власти, в том числе и законы субъектов РФ, не могут устанавливать нормы уголовно-процессуального права. Федеральный законодательный уровень регулирования уголовно-процессуальных правил позволяет обеспечить публично-правовую направленность и законность судопроизводства, исключить произвол должностных лиц, ведущих процесс, обеспечить гарантии прав и законных интересов участников процесса[6].

В отечественной юридической литературе, в том числе прошлого и даже позапрошлого веков, неоднократно поднимался вопрос о возможности расширения круга источников российского права путем включения в него различных актов судебной практики. Значимым поводом для этого явились новеллы законодательства, в том числе уголовно-процессуального, принятого в период судебной реформы 1860-1864 гг. Одна из них заключалась в возложении на все судебные установления обязанности «решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основываться на общем смысле законов» (ст. 12 Устава уголовного судопроизводства 1864 г). Состоявшаяся в указанной связи дискуссия не привела к единству мнений. Так, из числа наиболее известных теоретиков права дореволюционной эпохи к признанию судебной практики, законодательно поставленной перед необходимостью творчески восполнять пробелы правового регулирования, самостоятельным источником права склонялся Н.М. Коркунов. В то время как Л.И. Петражицкий последовательно выступал против такого подхода, полагая, что речь может идти лишь о толковании закона[7].

Спорным остается данный вопрос и в настоящее время, даже если исходить из понимания источников права лишь в формально-юридическом плане, не вникая в возможность рассмотрения в качестве источников права потребностей общества, обуславливающих необходимость правового регулирования определенных общественных отношений. В частности, по мнению Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, «правовые позиции Конституционного Суда, содержащиеся в его решениях, по своей сути фактически отражают особого рода правотворчество данного Суда. Будучи источниками права, решения Конституционного Суда с содержащимися в них правовыми позициями занимают особое место в общей системе источников права России»[8]. Как полагает В.М. Жуйков, было бы правильно официально признать источником права не только

[3] См.: п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

[4] Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. М.: Статут, 2010. С. 37.

[5] Там же. С. 37-42.

[6] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. С. 44.

[7] См.: Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 376-377.

[8] Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М.: Норма, 208. 2-е изд., доп. С. 132.

принимаемые на основе обобщения судебной практики постановления Пленума Верховного Суда с разъяснениями по вопросам применения закона, но и практику Верховного Суда РФ по конкретным делам, придав опубликованным решениям Верховного Суда, имеющим принципиальное значение, силу прецедента[9].

С учетом ранее рассмотренных особенностей российского уголовно-процессуального права как права позитивного следует признать более правильной точку зрения, согласно которой при всей их значимости «ни решения Конституционного Суда РФ, ни выраженные в них позиции не содержат норм права, ...не являются источником права в России, в том числе уголовно-процессуального»[10]. В сфере уголовного судопроизводства таким источником является только уголовно-процессуальный закон. Своеобразным подтверждением чему может служить предусматриваемая ст. 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» обязательность внесения в соответствующие законодательные акты корректив в случае, если решением Конституционного Суда РФ нормативный акт признан не соответствующим Конституции РФ полностью или частично. Хотя усиленная в последнее время императивность такой обязательности вызывает дополнительные вопросы и обоснованные возражения[11].

Также не могут являться источниками права постановления Пленума Верховного Суда РФ, поскольку содержащиеся в них разъяснения официально не признаются имеющими правообразующий характер. «Разъяснения Верховного Суда РФ, по смыслу ст. 126 Конституции РФ и п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ "О Верховном Суде Российской Федерации", есть результат изучения и обобщения практики самих судов и преследуют только одну цель — обеспечение единообразного применения закона... Поэтому разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства есть не что иное, как акты толкования закона»[12]. Что касается судебной практики Верховного Суда РФ, включая его опубликованные судебные решения по конкретным делам, то она является именно правоприменительной деятельностью. «Это однозначно следует из конституционной концепции российской правовой государственности и конституционной регламентации принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. В русле данной концепции в Конституции Российской Федерации закреплены те основы российской правовой системы, которые продолжают оставаться в рамках континентальных правовых систем, в которых отсутствует судебное правотворчество (судебный прецедент) как источник права»[13].

Но если судебное правотворчество в сфере действия российского уголовно-процессуального права как права позитивного со всеми характерными для него особенностями находится под запретом, как обеспечивать эффективное производство по уголовным делам? Как можно даже просто нормально осуществлять назначение уголовного судопроизводства, в должной мере гарантировать права и законные интересы его участников, если право далеко не беспробельно, изобилует противоречиями и постоянно перекраивается по не всегда понятной воле законодателя, а суд сам восполнять выявляемые пробелы, ликвидировать иные проявления оплошности законодателя не вправе?

Единственно возможный и достаточно приемлемый для этого способ — истолкование закона, всегда предшествующее его применению и неизбежно сопровождающее практически каждый акт правоприменения. Способы токования давно известны, разработаны и подробно описаны в юридической литературе. По толкующему субъекту различают токование легальное и, в частности, аутентичное, судебное, доктринальное[14]. По приемам толкования принято различать толкование грамматическое, логическое, систематическое, историческое (или историко-политическое)[15]. По объему толкование различается как адекватное (т.е. буквальное), распространительное и ограничительное[16]. Не следует упускать из виду также возможность применения уголовно-процессуального закона по аналогии.

---

[9] Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 23.

[10] Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда РФ / З. Д. Еникеев, Е. Г. Васильева, Р. М. Шагиева и др. М.: Юрайт, 2011. С. 93.

[11] Ковтун Н. Н. «Немягкая сила» актов конституционного правосудия // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 13-18.

[12] Матейкович М. С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 30.

[13] Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 24.

[14] Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юр. лит., 1967. С. 72.

[15] Там же. С. 88.

[16] Там же. С. 131.

Именно толкование, связанное с оценкой ведущим производство по уголовному дел лицом возникающей по делу практической ситуации, нахождением в законе соответствующей нормы, и последующее применение данной нормы (или совокупности норм) для осуществления наиболее рациональной уголовно-процессуальной деятельности несут в себе значительный творческий потенциал, приводят к реальному правовому уголовно-процессуальному регулированию.

Как отмечал С.С. Алексеев, «правовое регулирование — это осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями»[17]. Данное определение, вполне приемлемое для обозначения правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства, несмотря на краткость, имеет довольно объемное и многоаспектное содержание. Исходя из него правовое регулирование, как можно видеть, не сводится лишь к воздействию на регулируемые общественные отношения юридических (правовых) норм, в своей совокупности образующих соответствующую отрасль права, в нашем случае — права уголовно-процессуального.

В качестве относительно самостоятельного элемента системы правовых средств правового регулирования выступают уголовно-процессуальные правовые отношения, возникающие между правоприменителем — органом государства или его должностным лицом и иными участниками уголовного процесса. Применение уголовно-процессуальной нормы всегда содержит обращенное к участникам уголовного процесса властное веление органов государства, выражающее их направляющую роль в ходе расследования или судебного рассмотрения уголовного дела[18]. Содержание такого «веления» может зависеть от многих факторов, включая правосознание правоприменителя, его мировоззрение, психологические установки, собственный профессиональный опыт и т.п. «Правосознание конститутивно праву: право не существует вне или без правосознания...Принципиально важно не только зафиксировать значимость правосознания и процесса интерпретации права, но эксплицировать механизм воспроизводства правовой реальности, содержанием которого как раз и выступает интерпретационная активность человека»[19].

В результате интерпретации правоприменителем требований закрепленной в уголовно-процессуальном законе правовой нормы, его индивидуальной правоприменительной деятельности «в ткань правовой системы включаются новые элементы — индивидуальные предписания. Обеспечивая проведение в жизнь юридических норм, подкрепляя их властность своей (для данного конкретного жизненного случая) властностью, индивидуальные предписания обладают юридической силой, могут быть критерием правомерности поведения, т.е., условней говоря, источником юридической энергии. Именно в данном качестве они не только выполняют правообеспечительную функцию: в них выражается индивидуальное поднормативное регулирование общественных отношений, которое в зависимости от конкретных социальных, политических условий способно либо обогатить право, либо деформировать его»[20].

Адекватному воле законодателя и потребностям наиболее рационального правового регулирования в данный исторический период пониманию и применению права ответственными за производство по уголовному делу должностными лицами — не только судьями, но и прокурорами, следователями, дознавателями в разной степени, в совокупности и отдельно, способствуют различные средства, в том числе рассмотренные выше. К ним следует отнести правовые позиции Конституционного Суда РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, регулярно публикуемые обобщения судебной практики, ведомственные нормативные акты (приказы, указания Генеральной прокуратуры, других правоохранительных органов России), а также и упомянутые выше индивидуальные предписания. Не являясь официально источниками права, они реально и существенно влияют на правоприменение в сфере уголовного судопроизводства.

Индивидуальные предписания, по сути своей — решения, принимаемые конкретными правоприменителями в конкретной ситуации по уголовному делу не только с учетом всех адресованных им правовых позиций, разъяснений, нормативных требований ведомственного характера, но и на основе собственной интерпретации применяемой правовой нормы, отдельно заслуживают внимания. Обычно им не придается значения как самостоятельному элементу правового регулирования,

[17] Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 209.

[18] Божьев В.П. Уголовно-процессуальные отношения. М., 1975. С. 50.

[19] Парадигмы юридической герменевтики: монография / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 32.

[20] Алексеев С.С. Теория права. С. 254.

хотя они имеют наиболее массовый характер, исходят от правоприменителей всех уровней, включая низовой — районного, городского звена, и также способны формировать правовое регулирование.

Допустим, на уровне районного суда в результате разрешения по конкретному уголовному делу выявившейся сложной правовой коллизии судьей в результате всестороннего анализа ситуации обстоятельств дела, законодательства и практики его применения принимается ответственное решение, законность, обоснованность и справедливость которого, тем не менее, отнюдь не однозначны. Если данное решение, принятое судьей в итоге индивидуальной, личностной интерпретации неясно выраженной в законе правовой нормы, не вызывает негативной реакции у вышестоящей судебной инстанции в случае пересмотра его в апелляционном или кассационном порядке, то оно, одобренное таким образом, становится своего рода образцом для разрешения подобных коллизий в будущем. При повторном и тем более многократном использовании такого рода образца решения в подобных ситуациях судьей и его коллегами оно имеет шанс превратиться (и фактически превращается) в некий стандарт правоприменения. То же самое можно сказать и о формировании образцов толкования и применения проблемно выраженных в законе уголовно-процессуальных норм прокурорами, следователями, дознавателями, для которых проверочной и легализующей эти «образы — поднормы» инстанцией выступает суд первой инстанции, не говоря уже о последующих, более высоких судебных инстанциях.

Как верно отмечает И.Л. Честнов, «принятие закона еще не гарантирует его превращение в действующее право, его вхождение в реальный правопорядок»[21]. «Сама по себе норма — это продукт мыслительной деятельности человека, который при постоянном осмыслении (переосмыслении) подвержен трансформации, видоизменению. Для того, чтобы стать нормой права, указанное мнение, выраженное внешне в нормативно-правовом акте, должно быть воспринято широкими массами и ими легитимировано (должна быть дана положительная оценка со стороны общества) и воспроизводимо юридическими практиками»[22]. Представляется вполне возможным и оправданным приводимое в цитате определение легитимации использовать применительно к содержанию предписаний, излагаемых законодателем в статьях уголовно-процессуального закона, — чтобы стать правовыми нормами, они должны быть положительно оценены большинством представителей судебной власти и правоохранительных органов и получить относительно стабильное воспроизведение в их практической деятельности. Иначе практика просто дезавуирует предписания закона как не заслуживающие применения, что произошло, в частности, с попыткой законодателя распространить состязательность на досудебное производство[23].

Если уголовно-процессуальный закон, главным образом — УПК РФ, содержит в себе модель уголовного судопроизводства, закрепляет прообраз правоотношений между его участниками, то именно практика применения уголовно-процессуального закона формирует реальное правовое регулирование производства по уголовным делам, наполняет уголовно-процессуальные отношения конкретным содержанием, можно сказать, создает живую ткань действующего сегодня, сейчас уголовно-процессуального права. Права, существующего именно в актуальных для данного исторического периода или момента конкретных легитимных практиках деятельности правоприменителей — судей, прокуроров, следователей, дознавателей.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. М.: Статут, 2010. 520 с.
2. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
3. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные отношения. М., 1975. 175 с.
4. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда РФ / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р.М. Шагиева и др. М.: Юрайт, 2011. 555 с.
5. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 16-23.
6. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. 592 с.
7. Ковтун Н.Н. «Немягкая сила» актов конституционного правосудия // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 13-18.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1996. 678 с.
9. Матейкович М.С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 26-35.
10. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право // Судебная

[21] Честнов И.Л. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 107.

[22] Честнов И.Л., Родимкина Е.В. Должное и сущее в праве: теоретико-правовой и практический аспекты // Криминалистъ. 2017. № 1(20). С. 92.

[23] Шадрин В.С. Современное состояние и перспективы реформирования досудебного производства в российском уголовном процессе // РЖПИ. 2014. № 4(1). С. 134.

практика как источник права. М., 1997. С. 24-38.
11. Парадигмы юридической герменевтики: монография / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. 233 с.
12. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 512 с.
13. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 1008 с.
14. Честнов И.Л. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. 233 с.
15. Честнов И.Л., Родимкина Е.В. Должное и сущее в праве: теоретико-правовой и практический аспекты // Криминалистъ. 2017. № 1(20). С. 91-95.
16. Шадрин В.С. Современное состояние и перспективы реформирования досудебного производства в российском уголовном процессе // РЖПИ. 2014. № 4(1). С. 133-137.
17. Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юр. лит., 1967. 192 с.

Formation of Real Legal Regulation in the Practice of Criminal Procedure Law

Shadrin V.S.,
Doctor of Law,
Professor of the Criminal Procedure Department and Criminology
of the St. Petersburg Institute of Law (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the RF
E-mail: vikt-shadr@yandex.ru

Abstract. *The article explains the recognition of the criminal procedure law as the only source of criminal procedural law, examines the content of legal regulation in criminal cases as part of legal norms, legal relations and individual requirements, demonstrates how the model of criminal proceedings, fixed in the criminal procedure law, turns into a real criminal -process law.*

Keywords: *criminal justice, positive law, law enforcement, modeling and reality of criminal procedural law, legitimization of criminal procedural norms.*

References

1. Alekseev S.S. Sobranie sochinenij. V 10 t. T. 7. M.: Statut, 2010. 520 s.
2. Alekseev S.S. Teoriya prava. M.: BEK, 1995. 320 s.
3. Bozhev V.P. Ugolovno-protsessualnye otnosheniya. M., 1975. 175 s.
4. Voprosy ugolovnogo sudoproizvodstva v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda RF / Z.D. Enikeev, E.G. Vasileva, R.M. Shagieva i dr. M.: Yurajt, 2011. 555 s.
5. Zhujkov V.M. K voprosu o sudebnoj praktike kak istochnike prava // Sudebnaya praktika kak istochnik prava. M., 1997. S. 16-23.
6. Zorkin V.D. Rossiya i Konstitutsiya v XXI veke. 2-e izd., dop. M.: Norma, 2008. 592 s.
7. Kovtun N.N. "Nemyagkaya sila" aktov konstitutsionnogo pravosudiya // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2017. № 2. S. 13-18.
8. Kommentarij k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu RSFSR. M., 1996. 678 s.
9. Matejkovich M.S. Realizatsiya konstitutsionnykh norm i zaschita prav cheloveka v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 5. S. 26-35.
10. Nersesyants V.S. Sud ne zakonodatelstvuet i ne upravlyaet, a primenyaet pravo // Sudebnaya praktika kak istochnik prava. M., 1997. S. 24-38.
11. Paradigmy yuridicheskoj germenevtiki: monografiya / Pod obsch. red. E.N. Tonkova, I.L. Chestnova. SPb.: Aletejya, 2017. 233 s.
12. Marchenko M.N. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudejskoe pravo. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2007. 512 s.
13. Ugolovno-protsessualnoe pravo Rossijskoj Federatsii: uchebnik / Otv. red. P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2018. 1008 s.
14. Chestnov I.L. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: INFRA-M, 2018. 233 s.
15. Chestnov I.L., Rodimkina E.V. Dolzhnoe i suschee v prave: teoretiko-pravovoj i prakticheskij aspekty // Kriminalist. 2017. № 1(20). S. 91-95.
16. Shadrin V.S. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy reformirovaniya dosudebnogo proizvodstva v rossijskom ugolovnom protsesse // RZHPI. 2014. № 4(1). S. 133-137.
17. Elkind P.S. Tolkovanie i primenenie norm ugolovno-protsessualnogo prava. M.: Yur. lit., 1967. 192 s.